

В.А. Янчук
доктор психологических наук, профессор,
ГУО «Академия последипломного образования»,
Республика Беларусь

Развитие идей культурно-исторического подхода Л.С. Выготского в рамках социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания. К 120-летию со дня рождения

Статья посвящена проблеме влияния наследия Л.С. Выготского на процесс культуризации современного психологического знания. Демонстрируется влияние культурного обусловливания на психическую активность в широком спектре ее проявлений в контексте кросс-культурной и культурной психологии. Представляется содержательная характеристика социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания.

Ключевые слова: Л.С. Выготский; диалогический интердетерминизм; культура, культурная обусловленность; принцип диалогической интердетерминации; 4-D пространства психологической феноменологии; социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория интеграции психологического знания.

V. A. Yanchuk
PhD, professor,
«Academy of Postgraduate Education»,
Belarus

Development of I.S. Vygotski's cultural historical approach ideas within the sociocultural-interdeterminist dialogical metatheory of psychological knowledge integration. To the 120 anniversary since birth

The article is devoted to the problem of L Vygotsky heritage impact on the process of modern psychological knowledge culturalisations. It shows the effect of mental activity cultural conditioning in wide variety of its manifestations in the context of cross-cultural and cultural psychology. Culture is characterised as system interdeternants of sociocultural-interdeterminist dialogical metatheory of psychological knowledge integration. Is submitted substantial characteristic of sociocultural-interdeterminist dialogical metatheory of psychological knowledge integration.

Key words: L. Vygotsky; culture; cultural conditioningness; dialogical interdetermination; psychological knowledge integration; principle of dialogical interdetermination; sociocultural-interdeterminist dialogical metatheory of psychological knowledge integration; 4-D spaces of psychological phenomenology.

Постановка проблеми

120 лет назад молодой человек из провинциальной Беларуси вышел на авансцену только зарождающейся советской психологии и через несколько лет стал в ряд выдающихся психологов современности. Его вклад в развитие психологической науки оказался настолько велик, что это позволило крупнейшему философу и представителю социальных наук Стефану Тулмину назвать его «Моцартом психологии», поместив между такими фундаментальными фигурами, как Фрейд и Пиаже [Wertsch, 1988, с. 81].

Детальный анализ вклада Л.С. Выготского в развитие психологии и его разработки основ культурно-исторического подхода к психологическим феноменам в целом и роли культуры в формировании высших психических функций в частности представлены в широчайшем спектре работ (см., например, Keith K., 2011; Wertsch, 1988; и др.). В то же время значительно меньше внимания уделено собственнo историко-культурному контексту, создавшему необходимые предпосылки для актуализации его талантов. Тем более, что в последние годы именно ситуационный (средовый) аспект поведения начал приобретать все большую значимость (Rauthmann J.F. с соавт., 2014).

Итак, историко-культурный контекст, способствовавший формированию и самоактуализации Л.С. Выготского, характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, это время трансформаций в российской имперской общественно-политической системе, характеризовавшееся появлением демократических свобод и новых возможностей для появления новых личностей. Свидетельством этому является сама возможность поступления на юридический факультет МГУ человека из «глубинки», получившего к тому же возможность обучаться и в Москве, и в Петербурге, да еще и в Народном университете Шанявского.

Во-вторых, блестящее образование, полученное им в Гомеле, и возможность приобщения к мировому культурному

наследию через книги крупнейших исследователей того времени, имевшиеся в библиотеках. Следует заметить, что на русский язык переводились работы практически всех крупнейших мыслителей того времени. И это сохранялось вплоть до известных событий 1930-х годов. Что создавало возможность приобщения к достижениям мировой интеллектуальной мысли в различных областях знаний, способствуя формированию общекультурной и научной эрудиции.

В-третьих, исходная междисциплинарность, проявившаяся, в частности, в том, что, закончив юридический факультет МГУ, Л.С. Выготский преподавал литературу и психологию в школе, эстетику и историю искусств – в консерватории. Более того, он организовал психологическую лабораторию в Гомельском педагогическом училище, в рамках которой проводил экспериментальные исследования и прочел цикл лекций, послуживших основой для опубликования в 1926 году Педагогической психологии. Будучи культурно развитым человеком, он прорабатывал труды Джемса, Аристотеля, Спинозы, Фрейда, Маркса, Энгельса, Гегеля, Павлова, таких российских формалистов, как Щерба и Потебня, и многих других.

В-четвертых, без каких-либо препятствий он принял активное участие в работе 6-го Всероссийского психоневрологического съезда, открывшегося 6 января 1924 года. Именно после блестящего выступления на этом форуме ученый стал сотрудником психологического института – по приглашению его директора Н.К. Корнилова. В 1925 году он защитил диссертацию на тему «Психология искусства», написанную на основе материалов, собранных в 1916 году в Гомеле.

В-пятых, он имел возможность переписываться с выдающимися исследователями своего времени, вступая с ними в дискуссию, в частности с Пиаже, что говорит о наличии и открытой научной коммуникации, и научного сообщества без границ. Причем в этой коммуникации нет «мэтров» как носителей абсолютных истин и «подчиненных», безропотно во-

площающих их. Есть свободные ученые, заинтересованные в нахождении решений по обсуждаемой проблеме и не стесняющиеся высказывать свое несогласие с тем, что воспринимается как недостаточно аргументированное, и, одновременно, «снимающих шляпу» перед исчерпывающими аргументами, не боясь быть униженными. Речь идет о научном сообществе людей, обладающих чувством собственного достоинства и уважительного отношения к достоинству другого, подчиненных поиску научной истины, как бесконечному процессу открытий, уточнений и переосмыслений.

В-шестых, Л.С. Выготский был искренним приверженцем марксизма, пытаясь применить его идеи к реформированию всех областей интеллектуальной активности и марксистскому анализу мышления в частности. Одной из своих задач он видел ускоренную трансформацию российского (в большинстве своем неграмотного) общества, помогая сформировать «нового советского человека». Поэтому для него было особенно важно выявление условий такого ускоренного формирования личности нового человека. Одним из таких условий было создание всеохватывающего теоретического подхода, стоящего на «трех китах»: 1) генетическом методе развития, в соответствии с которым любой аспект функционирования мышления может быть понят только в контексте понимания его природы и истории становления; 2) выводе о том, что высшие уникально человеческие психические функции имеют социальную и квази-социальную природу; 3) утверждению о том, что высшие мыслительные функции опосредованы культурно обусловленными средствами и знаками, и язык играет центральную роль в этом процессе, предоставляя возможность семиотического опосредования. В связи с последним следует упомянуть о том, что первые работы Л.С. Выготского были посвящены литературной критике, и он участвовал в дебатах русских формалистов, заложивших предпосылки для развития структурализма и других направлений в лингвистике, семиотике и теории литературы.

В-седьмых, Л.С. Выготский, как и многие другие выдающиеся современники (В. Джемс, Дж.-Г. Мид, З. Фрейд и др.), оперировал целостным, междисциплинарным знанием, позволяющим рассматривать человека как системное нефрагментаризированное образование, акцентируя внимание на взаимодействии целого и составляющих его частей. Исследователи того времени обладали уникальной способностью уместать все человекознание в одной голове, коммуницируя друг с другом на основе этого системного видения. Цитируя Л.С. Выготского: «Мы старались исследовать отношение слова к предмету, к действительности. Мы стремились экспериментально изучить диалектический переход от ощущения к мышлению и показать, что в мышлении иначе отражена действительность, чем в ощущении, что основной отличительной чертой слова является обобщенное отражение действительности. Но тем самым мы коснулись такой стороны в природе слова, значение которой выходит за пределы мышления как такового и которая во всей своей полноте может быть изучена только в составе более общей проблемы: слова и сознания. Если ощущающее и мыслящее сознание располагает разными способами отражения действительности, то они представляют собой и разные типы сознания. Поэтому мышление и речь оказываются ключом к пониманию природы человеческого сознания. Если «язык так же древен, как сознание», если «язык и есть практическое, существующее для других людей, а следовательно, и для меня самого, сознание», если «проклятие материи, проклятие движущихся слоев воздуха изначально тяготеет над чистым сознанием», то очевидно, что не одна мысль, но все сознание в целом связано в своем развитии с развитием слова» [1934, с. 336].

К сожалению, на смену таким ученым пришло огромное количество узких специалистов, обладающих узким специализированным знанием о фрагментах, но даже не обсуждающим контекст целостности. Человек же в своем взаимодействии с внутренним и внешним (социаль-

ным и природным) миром выступает как интегрированное целое со всеми своими противоречиями и решениями, обусловленными комплексным влиянием и биологической природы, и экзистенциальной вотканности, и бессознательных процессов, и влияния среды, и многого-многого другого, результирующего его поведение.

Анализ современных исследований и публикаций

Для понимания вклада Л.С. Выготского в культурный переворот в психологии важно отметить и то, что он работал во время безусловного господства бихевиористской экспериментальной традиции в психологии, функционировавшей исключительно в стимульно-реактивной схеме и всячески избегающей какого-либо упоминания, а тем более проникновения в находящийся между стимулами и реакциями «черный ящик», представляющий внутренний мир человека. Л.С. Выготский не побоялся войти в этот черный ящик, наполнив его культурным содержанием в виде языковой знаковой опосредованности, определяющей изменения, возникающие по мере культурного развития. «Открытие» этого ящика и привело к революционным процессам в развитии психологического знания на текущий момент и в перспективе.

Цель статьи

Показать влияние творческого наследия Л.С. Выготского на процесс культуризации и интеграции современного психологического знания. Предоставить содержательную характеристику социокультурно-интердетерминистской метатеории интеграции психологического знания и ее перспективы.

Представление основного содержания

Центральное понятие культурно-исторического подхода «культура» в современном прочтении, вслед за R. Priest, трактуется как научаемая конфигурация понятий, образов, обобщений, представлений, ценностей, норм и других символических элементов, широко разделяемых членами данного общества или социальной груп-

пы, которая функционирует как ориентационная и нормативная структура поведения и как коммуникативная матрица, посредством которой поведение интерпретируется, интегрируется, координируется и санкционируется. Культура не является статичным образованием, а представляет собой живой, саморазвивающийся механизм, качественно прирастающий на каждом последующем витке смены поколений, получающих в концентрированном и критически (или некритически) переосмысленном виде опыт предшествующих.

Культура, как это подчеркивает один из ведущих представителей культурной психологии J. Valsiner, «если она рассматривается как процесс семиотической медиации человеческой жизни, является инструментом, обеспечивающим гибкость человеческой психики при ее столкновении с многообразием обстоятельств... конструирования принципиально нового, раздвижения границ понимания и бытия» [Valsiner, 2014, с. 258]. Следовательно, культура может рассматриваться как медиатор и в контексте обозначенных пространств, а также их компонентов.

Развивая идеи Л.С. Выготского, разработанные на материале мышления и речи, я экстраполировал культурный контекст на все многообразие проявлений психологической феноменологии, описание которого представлено в различных системах парадигмальных координат, подходов и направлений исследований в рамках социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания [Янчук, 2015; 2016 а; 2016 b; 2016 с.; Yanchuk, 2014; 2016].

В рамках метатеории разнокачественное, многомерное и мультипарадигмальное психологическое знание может быть отображено в следующих четырехмерных континуумах, и компоненты каждого находятся в состоянии опосредованной культурой интердетерминации: биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурно обусловленное; осознаваемое ↔ бессознательное ↔ экзистенциальное ↔ культурно-обусловленное; личность ↔

окружение ↔ активность ↔ культурно-обусловленное. Визуализация этих пространств представлена на рис. 2.

Введенные четырехмерные пространства интеграции психологической феноменологии отражают сложившуюся в последние годы тенденцию окультуривания различных областей исследований и выраженного стремления к междисциплинарной интеграции и кооперации. В частности, обсуждая проблематику соотношения культурного и биологического применительно к человеческим эмоциям, D. Matsumoto и H. Hwang показывают, что культура регулирует эмоции посредством субъективных внутренних переживаний (Matsumoto D., Hwang H., 2012). Культура влияет на относительную интенсивность эмоциональных переживаний. Она способствует возникновению культурных эмоций, которые являются уникальными в человеческой культуре и требуют культурных знаний для выявления. Эти эмоции могут быть универсальными, но не обязательно биологически обусловленными, и могут различаться в разных культурах. Например, стыд, чувство вины, ревность и любовь существуют во всем мире, но обладают существенными культурными различиями в отношении культурных обстоятельств, вызывающих их, по форме выражения, функциям и значениям. Культуры также вырабатывают эмоции посредством формирования значений, проявляющихся

в аттитюдах, ценностях и представлениях об эмоциях, требующих высших психических функций, включая абстрактное мышление, память и язык, направляющих то, как человек думает об эмоциях. Все это в высшей степени определяется именно культурой (там же, с. 96).

Комплексное взаимодействие биологического, психического и социального начало активно изучаться и в медицине (Голи З.Х., 2014; Goli Z., Yanchuk V.A., 2012; Goli Z., Yanchuk V.A., Torkaman Z., 2015). Эти факторы были интегрированы в рамках широко признанной биопсихосоциальной модели. В соответствии с этой моделью значительное количество исследований было направлено на определение когнитивных факторов, сказывающихся на боли и недееспособности. Эти работы однозначно продемонстрировали, что аттитюды, представления, ожидания и копинг-стратегии пациента в отношении ожидаемых трудностей, а также сама система здравоохранения могут влиять на описание пациентами своей боли, активность, недееспособность, депрессию и реагирование на лечение. Роль культуры в этом процессе была убедительно показана в выполненном под моим руководством диссертационном исследовании З. Голи «Сравнение представлений, копинг-стратегий и способов регулирования боли у иранских и белорусских пациентов, испытывающих хроническую боль» (Голи

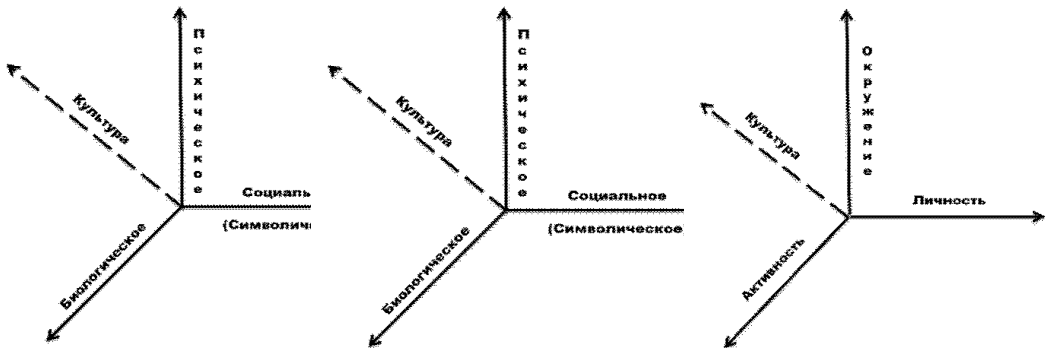

Рис. 2. Четырехмерные континуумы репрезентации разнокачественных природ (биологическое-психическое-социальное), сфер отражаемой реальности (осознаваемое-бессознательное-экзистенциальное) и областей исследований (личность-окружение-активность) психологической феноменологии

З.Х., 2014). Результаты этого исследования показали, что преодоление такого болезненного феномена, как хроническая боль, в существенной степени зависит от характера обращения с пациентом со стороны медицинского персонала, наличия у него психологической мотивации на лечение (Goli Z., Yanchuk V.A., 2012; Goli Z., Yanchuk V.A., Torkaman Z., 2015).

Такого рода исследования стимулировали и интеграцию междисциплинарную, ярким примером которой явилась состоявшаяся в 2014 году в Суджу (Китай) совместная конференция физиков, медиков и психологов, продемонстрировавшая продуктивность совместного обсуждения феномена человека и как биопсихосоциальной сущности, и как физического объекта (Yanchuk V.A., 2014). Именно диалог представителей казался бы качественно отличающихся областей знаний позволил сформировать общее понимание специфики гетерогенности природы человека, своеобразия монодисциплинарных и мультидисциплинарных ракурсов рассмотрения феноменологии поведения и, главное, направлений и потенциальных возможностей в расширении горизонтов и углублении понимания проблематики.

Традиционная концентрация на осознаваемых процессах познавательной активности, благодаря гению Фрейда, была дополнена измерением бессознательного, а в последующем – экзистенциального. В своем взаимодействии с внутренним и внешним миром человек предстаёт не только как познавательная система, перерабатывающая информацию, но и находящаяся под существенным влиянием бессознательного, проявляющегося в формировании отношения к происходящему, прошлому и будущему, направляющему интерпретацию и актуализирующему интернализированные автоматизированные поведенческие алгоритмы и т.п. Человек не только принимает решения и реагирует на происходящее, но и переживает его, будучи вотканным в жизнь, в бытие-в-мире. Блестящая плеяда экзистенциалистов (Хайдеггер, Бисвангер, Сартр, Кьеркегор) акцентировала внимание на вотканности

человека в мир, на его переживания происходящего, связанность с миром, выраженную в бытии-в-мире. В отличие от Фрейда, блестяще препарировавшего болезнь, Кьеркегор пережил ее и описал изнутри. Такого рода вотканность и переживаемость бытия-в-мире, не схватывается классическими инструментами, остается за их рамками. Но она незримо, чувственно присутствует в поведении человека, определяя отношение к нему и интерпретацию, переживание и со-переживание, следовательно, не учитывать ее, значит уходить от реальности жизни, упрощать ее. М. Boss, подчеркивает в этой связи, что только с подключением эпистемологии, обладающей способностью истинного постижения нашего «человеческого-бытия-в-мире», предоставляется возможность понимания комплексности природы поведения человека (1983).

Принцип диалогического интердетерминизма. Особое значение для развития психологического знания представляет вопрос взаимоотношения выделенных компонентов четырехмерных пространств. Традиционная фрагментация психологического знания на все более и более мелкие единицы в поиске своеобразных первоатомов психического приводит к утопанию его в огромном количестве аспектов и деталей, все дальше и дальше уводящих от понимания целостного, системного функционирования. Более того, качества системности психического, выражающегося в том, что в процессе взаимодействия этих отдельных фрагментов образуются новые качества, не сводимые к простой сумме составляющих систему элементов, тот самый гештальт, экспериментально установленный Вертгеймером на примере фи-феномена. Компоненты системы находятся в постоянном взаимодействии, образывая все новые и новые качества и качественно изменяясь на каждом последующем этапе взаимодействия. Реализуется та самая психодинамика, и речь надо вести не о статике, а именно динамике психических процессов и явлений (Valsiner J, Molenaar C.M., Lyra M., Chaudhary N., 2009; Witherington, 2007).

Описание специфики взаимодействия, приводящего к качественному изменению системы, не сводимому к простой сумме составляющих её элементов, посредством классического принципа детерминизма является крайним упрощением реальности. Это послужило исходной предпосылкой обоснования принципа диалогической интердетерминации, содержательная характеристика которого и предлагается заинтересованному читателю.

По существу, речь идет об авторском развитии широко известной трехкомпонентной формулы К. Левина, описывающей поведение как функцию от личности и внешнего окружения $B=f(P, E)$. Переосмысление данной формулы в контексте реципрокной (взаимной) детерминации сделано выдающимся психологом современности А. Бандурой. Характеризуя подход Левина как ненаправленный, он предложил частично двунаправленную трансформацию его формулы в виде $B=f(P \rightleftharpoons E)$. А. Бандура разработал принцип реципрокного детерминизма, представляющий следующее формализованное взаимоотношение данных элементов, отображенное на рис. 2.

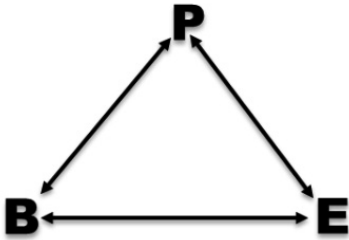

Рис. 2. Состояние реципрокного детерминизма. Где: P – личность; E – внешнее окружение (ситуация); B – поведение

Любое изменение одного из элементов обозначенной триады с неизбежностью приводит к изменениям в двух других, и наоборот. Как подчеркивает А. Бандура, «в процессе реципрокного детерминизма поведение, внутренние личностные факторы и влияние окружения – это взаимозависимые детерминанты друг друга ... поведение и внешние условия функционируют как реципрокно взаимодействующие

детерминанты» (Bandura, 1978, с. 346). По его мнению, «теория социального научения рассматривает реципрокный детерминизм как основополагающий принцип анализа психосоциальных феноменов различных уровней сложности, варьирующихся от внутриличностного развития до межличностного поведения, до интерактивного функционирования организационных и социальных систем» (там же, с. 356).

Эта идея поддерживается результатами фундаментального исследования J. Масу, проведшего нетрадиционный анализ взаимной каузации в буддизме и общей теории систем (1991). Ссылаясь на работы Людвиг фон Бергаланфи по общей теории систем, автор подчеркивает, что «человек не пассивный получатель стимулов, поступающих из окружающего мира, но, в конкретном понимании, созидатель собственного универсума» (там же, с. 81). И далее: «активность в открытых системах, например, такая, как трансформация энергии и информации во взаимодействии с окружающей средой, показывает, что каузальные процессы являются реципрокными или взаимными» (с. 94).

Эта же идея артикулирована в подходе «исторической экологии», развиваемого С.Л. Crumley, который подчеркивает зависимый от обстоятельств и обладающий потенциально широким спектром возможностей характер человеческого приспособления к ограничениям окружающей среды (1994). В соответствии с таким подходом утверждается, что не только человек адаптируется и регулирует свое поведение по отношению к внешней среде, но вместе с тем он прилагает усилия к изменению этой среды в целях достижения состояния устраивающего равновесия.

В развитие представленных подходов мною предложен принцип диалогического интердетерминизма, дополняющий принцип реципрокности интердетерминантой культурной обусловленности, носящей универсальный характер, включив ее также в континуумы биологическое ↔ психическое ↔ социальное и осознаваемое ↔ бессознательное ↔ экзистенциальное. Этим

преодолевается косвенно присутствующее в представленных формализациях К. Левина и А. Бандуры сведение анализа психологической феноменологии только к пространству областей изучения. Отличительные особенности анализируемых подходов наглядно представлены на рис. 4.

В предлагаемом подходе пространство личность ↔ окружение ↔ активность скорее отражает внешнее описание, не претендующее на более глубокие пласты понимания специфики психологической феноменологии. Включение пространства биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурно обусловленное расширяет горизонты видения проблемного поля психологической феноменологии на их комплексность. Природа человека в большей своей части социальна в смысле приоритетности ее символического качества, второсигнальной регуляции поведения. И если не учитывать последнюю, то это приводит к биологизаторству, представляющему многообразие проявлений психического как детерминированного различными комбинациями генов. Налицо все тот же редукционизм, периодически проявляющийся в сенсационных «откры-

тиях» генов криминальности, супружеской неверности и т.п.

Подобные редукции являются не только вульгарным упрощением, рассчитанным на несведущую аудиторию, но и представляют собой социальную опасность в виде судьбы тех лиц, у которых эта комбинация идентифицирована. Не говоря уже о проблеме этического аспекта подобного рода «открытий». Пример того же биопсихосоциального подхода, становящегося все более популярным даже в такой консервативной области знания, как медицина, говорит о значительно более сложном взаимодействии этих детерминант. Не акцентируя внимания на рассмотрении проблемы первичности той или иной интердетерминанты, я акцентирую внимание именно на аспекте взаимной обусловленности и взаимодейстования. Тем более в уже обсуждавшейся культурной обусловленности и биологического, и психического, и социального.

Отношение диалогической интердетерминации подчеркивает элемент взаимовлияющего и взаимоизменяющего его характера. Любое изменение одного из элементов неизбежно приводит и к из-

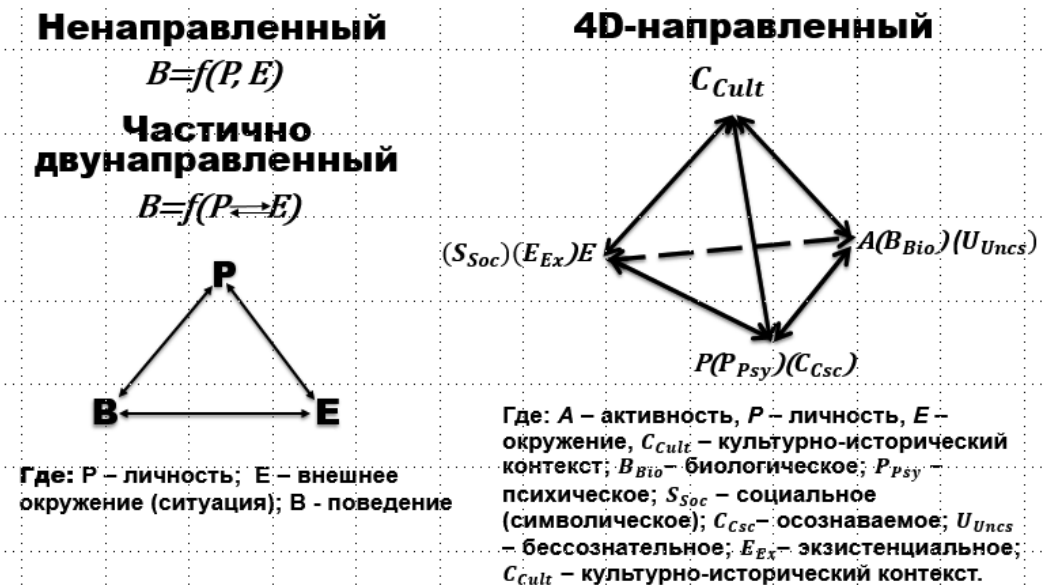

Рис. 3. Сравнение ненаправленного (Левин), частично двунаправленного (Бандура) и полинаправленного (Янчук) взаимодействия детерминант (интердетерминант) поведения.

менению во всех взаимосвязанных элементах. Причем происшедшие изменения приводят к изменению качества самой гетерогенной системы, получающей новообразования в виде расширения, переосмысления и пере-переживания обретенного опыта. Эти элементы одновременно являются и автономными и взаимообуславливающими друг друга, и последнее акцентирует внимание на том, что каждый из элементов не существует в качестве самодостаточного, а только во взаимоотношении с другими.

Приставка «интер» показывает способ, посредством которого мы можем преодолеть корневую метафору психологического понимания как на общедоступном, так и научном уровнях, сохранив их в исходном состоянии. Метафора такого рода представляет различие внутреннего и внешнего связанного с осмыслением пространства. Значение находится ни «внутри», ни «вовне»: оно находится «между» (Mininni 2010, с. 24-25). Созидание и управление значениями являются процессами, организующими взаимодействие в том числе и разнокачественных природ и сфер психического. Именно во взаимодействии происходит (или не происходит) достижение своеобразного взаимоустраивающего компромисса, обеспечивающего либо оптимальное, либо минимально достаточное состояние со-существования, обеспечивающее интеграцию и координацию поведения.

В то же время само понятие взаимодействия является крайне ограничивающим по отношению к со-существованию разнокачественных сущностей, не обретающих новое интегрированное качество, а сохраняющих свою исходную уникальность, но образующих новое качество, находящееся вовне, над образующими его. Наиболее аутентичным для описания данного состояния является понятие диалога в его бахтинском понимании (Бахтин, 1986). Когда люди находятся в диалоге, они взаимодействуют посредством взаимно активной динамики прояснения дискурсов подобно формированию значений и договариваются в сфере потребностей, интересов и

желаний, которые будут удовлетворены в случае достижения взаимного согласия, при этом сохраняя собственную уникальность и относительную автономность. Диалогический характер интердетерминистского взаимодействия проявляется, во-первых, в безусловном принятии Другого, обусловленном невозможностью несовместного существования в принципе, во-вторых, – обретении нового качества взаимодействующими сторонами, не присутствующего ни в одном из них по отдельности. Эта специфика диалога как формы взаимодействия обусловлена еще и качественной специфичностью самого человека как объекта и субъекта познания. М. Бахтин подчеркивает в этой связи, что «субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» [1986, с. 383].

Таким образом диалог пространств приобретает вид пирамиды, каждый элемент которой равнозначен (см. рис. 4).

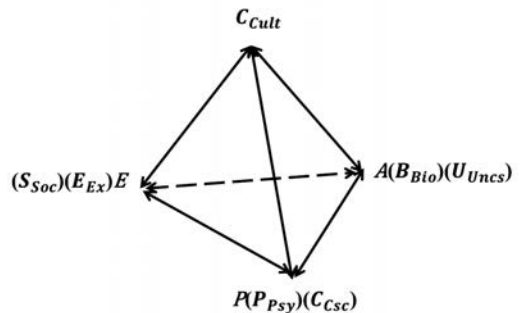

Рис. 4. Состояние диалогической интердетерминации. Где: A – активность, P – личность, E – окружение, B_{Bio} – биологическое; P_{Psy} – психическое; S_{soc} – социальное (символическое); C_{Csc} – осознаваемое; U_{Uncs} – бессознательное; E_{Ex} – экзистенциальное; C_{cult} – культурно-исторический контекст

Изложенное позволило качественно расширить рамки принципа реципрокного детерминизма за счет акцентирования внимания, во-первых, на интердетерминационном характере взаимодействия лич-

ностных, ситуативных и активностных детерминант поведения и, во-вторых, учета их культурной обусловленности. Здесь речь идет не о состоянии однонаправленной или частично двунаправленной детерминации, а качественно отличным характере взаимодействия диалогического свойства, предполагающего исходную равнозначность, взаимообусловленность и взаимовлияние, приводящего к формированию нового качественного состояния, не представленного в отдельно взятых детерминантах. Можно говорить о некотором сходстве с вертгеймеровским гештальтом, представляющим обретение целым нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих его частей.

Наглядная демонстрация специфики диалогической интердетерминации была продемонстрирована мною на примере феномена биопсихосоциальной адаптации (В. Янчук, 2015). Она представляет собой социокультурно-интердетерминистский диалогический процесс согласования природных, биологических и психологических состояний, социокультурных диспозиций, направленный на достижение баланса (физиологического, психологического, экзистенциального) во взаимодействии с непосредственным и опосредованным социальным и природным окружением. Причем ситуация рассматривается в контексте комплексного интердетерминистского взаимодействия биопсихосоциального или природного, психического и социального диалогического свойства. Интердетерминистский диалогический характер такого рода взаимодействия проявляется в постоянном изменении условий достижения найденного компромисса, выступающего в качестве одного из ведущих механизмов и условий развития.

В процессе диалогической интердетерминации формируется та самая интерсубъективность, определяющая достижение в том числе и межкультурного взаимопонимания. Как отмечают Chi-Yue Chiu с соавторами, «интерсубъективный подход основывается на трех предпосылках: (а) индивиды оценивают и формируют представления об интерсубъективной ре-

альности в их социокультурных контекстах, и некоторые из этих представлений отличаются от принятых личностных ценностей и убеждений; (б) индивиды действуют в соответствии с собственными представлениями об интерсубъективной реальности – иногда и значительно чаще, чем они действуют в соответствии с собственными ценностями и убеждениями; и (с) индивиды непреднамеренно подкрепляют и сохраняют интерсубъективную реальность в своих представлениях и действиях (вне зависимости от того валидны они или нет)» (Chiu C.-Y., Gelfand M.J., Yamagishi T., Shteynberg G., and Wan C., 2010, с. 483).

Интерсубъективный подход включает взаимодействие факторов личности и окружения все в том же контексте культуры. Он констатирует, что культура существует на множественных уровнях, представляя процесс коллективного строительства консенсуса членами культурного сообщества в целях управления экологией. Интерсубъективный подход рассматривает культурную обусловленность поведения как «целенаправленное поведение, направляемое стратегическим использованием культурно предписываемых скриптов (закодированных в интерсубъективном знании культуры) в среде людей, осведомленных о различных ограничениях и возможностях локального окружения для достижения значимых целей (например, эпистемических, и идентичности и коммуникативных целей)» (там же, с. 487). Благодаря адаптивной природе культурно обусловленного поведения в случае возникновения средовых изменений соответственно меняется и оно. Таким образом, формирование интерсубъективности выполняет эпистемическую, коммуникативную функции, а также функцию формирования идентичности.

Интерсубъективный подход представляет новую перспективу культурной компетентности. По общему признанию, индивиды, интернализовавшие основополагающие ценности и нормы собственной культуры или развившие автоматизированные культурные скрипты до уровня регуля-

торов поведения, являются компетентными членами данной культуры. Более того, обладание интерсубъективностью составляет основу культурной компетентности, особенно для лиц, живущих в неродной культуре. Например, иммигранты, обладающие знанием культурных нюансов, демонстрируют лучшую социокультурную адаптацию (Kurman, Ronen-Eilson, 2004) и более социально компетентное взаимодействие (по параметрам достижения личностно значимых целей и качества отношений) с членами коренной культуры (Li, Hong, 2001). Наконец, межкультурные контакты меняют и культурную экологию. Частые межкультурные контакты могут изменять даже относительно гомогенное культурное пространство в мультикультурное, в котором сосуществуют местная и иностранная культуры (Giddens, 1985).

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Резюмируя изложенное, еще раз подчеркнем непереоценимость вклада Л.С. Выготского в культурный переворот в психологическом знании. Именно благодаря его блестящим исследованиям стало осознаваться то выдающееся специфически человеческое качество знаковой или

семиотической опосредованности его взаимодействия с внутренним и внешним миром. Помещая в знаковой форме мир в собственное сознание, человек получает уникальную возможность выхода за рамки данности, бытия здесь и сейчас, моделировать и прогнозировать, а, следовательно, и преобразовывать мир. Перспективы развития культурной психологии видятся в следующих основных направлениях: 1) включение исследуемых феноменов в контексте многомерности, мультипарадигмальности и мультидисциплинарности, предполагающей привлечение ресурсов знаний, накопленных в сопряженных системах парадигмальных координат психологического знания и смежных областей знания; 2) осознание диалогико-интердетерминационного характера взаимодействия многомерных разнокачественных интердетерминант; 3) культуризация психологического знания посредством привлечения концептуального аппарата современной культуральной психологии; 4) выход за рамки персоноцентризма за счет включения в плоскость анализа интердетерминирующего влияния эго-протяженности, включающей социальное и природное окружение, помещенное в конкретный историко-социокультурный контекст и т.п.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / Собрание сочинений: в 7 т. / Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х-1970-х гг. – М.: Русские словари, 2002.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. – 362 с.
3. Голи З.Х. Сравнение представлений, копинг-стратегий и способов регулирования боли у иранских и белорусских пациентов, испытывающих хроническую боль / Автореф. дис. – Минск: БГУ, 2014.
4. Янчук В.А. К построению социокультурно-интердетерминистской диалогической мета-теории интеграции психологического знания / От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете. Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах. Том 1 / отв. ред. Богоявленская Д.Б. – М.: Когито-центр, 2015. – С. 136-138.
5. Янчук В.А. Социокультурно-интердетерминистская диалогическая мета-теория интеграции психологического знания в контексте проблемы социального прогресса / Сборник материалов международной научно-практической конференции: В 8 частях. Часть 1 / Под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кашеева, В.В. Зотова, И.В. Антоненко. – М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016. – С. 317-324.
6. Янчук В.А. Диалогическая интердетерминация в системе четырехмерных пространств анализа кросс-культурной феноменологии / Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: Материалы Пятой Международной научной конференции 27-28 мая 2016 г.: В 2 т. / Отв. ред. В.В. Гриценко. – Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного университета, 2016. – Т. 1. – С. 56-63.

7. Bandura A. (1978) The Self-System in Reciprocal Determinism. *American Psychologist*. 33(4), 345-358.
8. Chiu C.-Y., Gelfand M.J., Yamagishi T., Shteynberg G., and Wan C. (2010) Intersubjective Culture: The Role of Intersubjective Perceptions in Cross-Cultural Research Perspectives on Psychological Science 5(4), 482-493.
9. Crumley, C.L. (1994) Historical ecology/cultural knowledge and changing landscapes / C.L. Crumley. – Santa Fe.
10. Goli, Z., Yanchuk V.A. (2012) Effect of Racial and Ethnic Differences in Pain Perception: Explaining the Effective Mechanisms on It *Психологический журнал*. 3-4, 41-50.
11. Goli Z., Yanchuk V.A., Torkaman Z. (2015) Cross-Cultural Adaptation and Validation of the Russian Version of the Pain Beliefs and Perceptions Inventory (R-PBPI) in Patients with Chronic Pain *Current Psychology*, 1-14 DOI.10.1007/s12144-014-9289-3 Электронный ресурс: точка доступа: <http://link.springer.com/article/10.1007/s12144-014-9289-3>
12. Junne F., Zipfel S. (2015) Research prospects in BioPsychoSocial medicine: new year reflections on the “Cross-Boarder Dialogue” paradigm *BioPsychoSocial Medicine*, 9(10), 1-4.
13. Keith K. *Cross-Cultural Psychology: Contemporary Themes and Perspectives*. (2011) – Wiley-Blackwell, 2011. – 577.
14. Kurman, J., & Ronen-Eilon, C. (2004). Lack of knowledge of a cultures social axioms and adaptation difficulties among immigrants. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 35, 192-208.
15. Li, Q., & Hong, Y.-Y. (2001). Intergroup perceptual accuracy predicts real-life intergroup interactions. *Group Processes & Intergroup Relations*, 4, 341-354.
16. Macy J. *Mutual causality in Buddhism and general system theory: the dharma of natural systems*. – NY: State University of New York Press, 1991
17. Matsumoto D., Hwang H.S. Culture and emotion: The integration of biological and cultural contribution *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2012. – Vol. 43(1), 91-118.
18. Mininni G. (2010). The Method of Dialogue: Transaction Through Interaction IPBS: Integrative Psychological & Behavioral Science, 44(1), 23-29.
19. Rauthmann J.F., Gallardo-Pujol D., Guillaume E.M. and Todd E., Nave C.S., Sherman R.A., Ziegler M., Jones A.B., Funder D.C. (2014) The Situational Eight DIAMONDS: A Taxonomy of Major Dimensions of Situation Characteristics *Journal of personality and Social Psychology*. – Vol 107(4), 677-718.
20. Valsiner J, Molenaar C.M., Lyra M., Chaudhary N. (Eds.) (2009) *Dynamic Process Methodology in the Social and Developmental Sciences*. Springer, – 660 p.
21. Valsiner J. (2014). Needed for cultural psychology: Methodology in a new key, *Culture & Psychology*, 20(1) 3-30.
22. Valsiner J. (2014). *An Invitation to Cultural Psychology*. SAGE Publications. – 290 p.
23. Wang Qi. (2016) Why Should We all Be Cultural Psychologists? Lessons From the Study of Social Cognition. *Perspectives on Psychological Science*, Vol 11(5), 583-596.
24. Wertsch J.V. L.S Vygotsky’s “New” Theory of Mind (1988). *The American Scholar*. – Vol. 57 (1), pp. 81-89.
25. Yanchuk, V. (2014) Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Perspective of Intercultural Mutual Understanding Comprehension Deepening. *Open Journal of Social Sciences*, 2, 178-191. <http://dx.doi.org/10.4236/jss.2014.28025>
26. Yanchuk V. (2016) Sociocultural-interdeterminist dialogical metatheory of psychological knowledge integration, *International Journal of Psychology*, Volume 51, Issue 51, July 2016. – P. 438. <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/ijop.12310/full>